

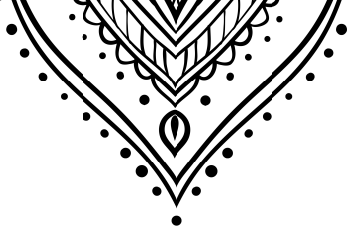
ПОТОМКИ ПЕРВЫХ

**ЗОЛОТО
В ТЁМНОЙ НОЧИ**

**ДОСТОЙНЫЙ
ВЫСШИЙ СУД**

БЕЗУПРЕЧНАЯ ЛУНА

ИЛОС. НАЧАЛО

ЛИЯ АРДЕН

ДОСТОЙНЫЙ ВЫСШИЙ СУД

INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Дизайн обложки и внутреннее оформление
Екатерины Тинмей

Иллюстрация на переплете *Дарьи Бобровой*

Арден, Лия.

А79 Достойный высший суд / Лия Арден. —
Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.
ISBN 978-5-04-117503-0

Ойро нашла семью, но ей предстоит вернуть своего друга Дарена, который остался в плену у младшего принца Каидана. Но теперь девушке следует действовать осторожнее, чтобы случайно не развязать войну.

Ойро узнаёт множество секретов своей семьи и тайну Первого. Тайну, с которой нынешнему поколению потомков придётся как-то справиться, потому что грядущая угроза страшнее возможной войны с Каиданом. Против этого врага все страны одинаково беззащитны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117503-0

© Арден Л., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Посвящается членам семьи,
у которых никогда не будет
общей фамилии.*

Глава 1

Ойро

Не с первого раза, но мне удаётся открыть глаза. Здесь сумрачно, однако недостаточно, чтобы помешать мне рассмотреть комнату, в которой я оказалась. Стоит ночь, тяжёлые занавески раздвинуты, и луна освещает большую часть комнаты, заглядывая через высокие арочные окна и балконные двери. Стекло вставлено в специальные панели, напоминающие изысканно выполненную решётку, из-за чего свет дробится, ложась узором на пол и стены. Мне требуется некоторое время, чтобы вспомнить названия запахов, что сейчас витают в воздухе. Ароматические масла. Жасмин с примесью корицы и инжира. Всё это идеально сочетается с сухим запахом пустыни. Понимаю, что я в Паргаде... я дома. Эта мысль лёгкая, сонная, почти нереальная. Она обволакивает моё сознание так же мягко, как и несколько покрывал, в которые я завернулась.

Я лежу на огромной кровати с багдахином, окружённая множеством подушек с вышивкой. Ткань постельного белья настолько приятная, что мне даже не хочется выбираться из её ласковых объятий. Я медленно обвожу взглядом убранство помещения. Оно не огромное, но очень большое, особенно если учитывать, что это комната для одного человека. Точ-

но угадать цвет стен в скудном освещении практически невозможно. Скорее всего, они светло-серые, но большая их часть покрыта узорами, вырезанными прямо по камню, что создает замысловатый рельеф из света и теней. У противоположной стены стоят огромный шкаф и массивный стол с грудой свитков и книг, сваленных на нём. На стуле несколько мечей в ножнах. Рядом проход в виде арки, отделанной резьбой, а вместо двери висят переливающиеся в тусклом свете золотистые занавески. Вероятно, проход в умывальню. Прямо в середине комнаты располагаются обитые парчой два мягких дивана и два кресла. Они окружают круглый серебряный столик. У выхода на балкон стоит огромная золотая клетка с двумя птицами. Те крепко спят, дожидаясь нового дня, чтобы запеть вновь.

Я медленно сажусь, морщусь от внезапной тяжести в голове и спускаю ноги на пол, пальцами чувствуя мягкость ковра. Не найдя никакой обуви, я прохожу в середину комнаты. Ковёр лежит лишь вокруг кровати, стоит отойти, как ступни касаются камня. Весь пол покрыт белым мрамором, который максимально долго хранит прохладу и освежает в жаркие дни. Я непроизвольно улыбаюсь, вспоминая, что в моей комнате тоже был мраморный пол. *Сохранилась ли моя комната?*

Голова ещё как в тумане. Всё такое родное и незнакомое одновременно. Я почти уверена, что знаю, кому принадлежат эти покои, но боюсь озвучивать имя даже у себя в голове. Недавние события, моя семья, это помещение и невесомое платье на мне. Будто воспоминания, которые у меня есть, лишь наполовину мои.

Озадаченная, я провожу ладонью по чистым, расчёсанным волосам. Дотрагиваюсь до деревянной спинки кресла, касаюсь пальцами нежных занавесок балдахина, украшенных золотой вышивкой. Всё это

похоже на сон. *На сон, в котором я бы хотела задержаться погольше.*

Но я не могу оставаться здесь вечно, поэтому подхожу к большим двойным дверям, кладу ладонь на позолоченную ручку и несколько мгновений медлю, ожидая, что вся окружающая обстановка растворится в дымке, а я очнусь в комнате для слуг во дворце Каидана.

Однако ничего не происходит.

Тогда я нажимаю на изогнутую ручку и тяну дверь на себя. Опираюсь на неё, всё ещё боясь потеряться в действительности. Меня словно пытаются новообретённой надеждой, когда я вижу молодого мужчину у противоположной стены в коридоре. Он совсем не похож на того, каким был в Цере.

Сейчас он в домашней, немного мятой одежде, на плечи накинут простой халат, что делает его образ более родным. Сердце в груди болезненно сжимается. Его тёмные волосы растрёпаны, а в серых глазах нет угрозы, насмешки или пренебрежения, которые я видела в праздничном зале во дворце Каидана. Сейчас он выглядит таким же напуганным, как и я. Брат замер, не двигается и, кажется, даже не дышит. Из моего горла вырывается сдавленный всхлип. Я не знаю, что мне делать — плакать или смеяться. Пытаюсь взять себя в руки, но звук продолжает рваться наружу, и вот я уже, заливаясь слезами, смеюсь у него в объятиях. Ноги едва меня держат, но Даян так крепко меня сжимает, что я с трудом могу дышать.

Я не вижу, но ощущаю его улыбку, чувствую, как по телу брата проходит дрожь от напряжения. Он что-то шепчет в мои волосы, но делает это так тихо, что я не могу разобрать ни слова. Похоже на его личную молитву, поэтому я не прерываю и не спрашиваю. Все мысли путаются, я не могу решить, о чём спросить, что узнать первым.

Даян ослабляет объятия и немного отстраняется, чтобы наконец взглянуть мне в лицо.

— Твои глаза... они вновь разные. — Брат неуверенно касается моего лица, стирая слёзы. — Что произошло? Почему они были карими?

Я открываю рот, чтобы ответить, но замираю, когда справа, в глубине коридора, раздаётся эхо приближающихся шагов. Даян подхватывает меня за талию и, поднимая в воздух, заносит обратно в комнату, тихо прикрывая дверь. Я не успеваю даже ахнуть, настолько легко он это делает, словно я ничего не вешу. Поставив меня на пол, брат заговорщически улыбается и прикладывает палец к своим губам. Я же прикусываю свой согнутый указательный палец, боясь то ли рассмеяться в голос, то ли вновь заплакать. Мы молчим, затаив дыхание, и продолжаем прерванный разговор, лишь когда шаги стихают в противоположной стороне.

— Думаю, тебе не хочется, чтобы наши Назари примчались сюда всей толпой. Что они обязательно и сделают, стоит только им узнать, что ты проснулась. — Хитрая улыбка Даяна ширится, обнажая белоснежные зубы.

Назари... Это слово теплом отзывается в моих воспоминаниях. *Наша свита, наши названные братья и сестра.* Моя память ещё не полностью восстановилась, и я с горечью осознаю, что никак не могу с уверенностью вспомнить их лица. Мне стыдно признаться Даяну, что я едва ли помню нашу семью.

— Я капала специальную настойку в глаз, чтобы изменить цвет. Я ничего не... не помнила... не помнила тебя и... Айлу... и... — начинаю захлёбываться словами, желая скорее попросить прощения, рассказать, почему всё это время я к ним не возвращалась.

— Ойро, не нужно объяснять сейчас.

Даян вновь порывисто обнимает меня, его частое сердцебиение отдаётся мне в щёку, пока я прижи-

маюсь к нему в ответ. Внутри меня уверенность, что мы всегда были близки, но трепет, с которым он едва касается моих волос, проводя по ним ладонью, кажется чем-то новым.

Брат берёт меня за руку и ведёт обратно к кровати.

— Ахна Мальта нам немного рассказала про твою потерю памяти. Мы всё обсудим утром, когда ты выпишься и будешь готова.

— Я думала, что разные глаза — это дефект, — не обращая внимания на его слова, силюсь объяснить я. Теперь мне жаль, что все эти годы я стыдилась этого. Но тогда я не знала, что это моё наследие от обоих родителей.

Мне необходимо, чтобы Даян поверил в искренность моего оправдания. Шумно выдыхаю, а он кивает, продолжая мягко улыбаться. Я жадно оглядываю брата с ног до головы. Пытаюсь припомнить каждую мелкую деталь и сравнить с тем, как он выглядит сейчас. В его серых глазах понимание, брат поглаживает мою ладонь и терпеливо ждёт, пока я перестану учащённо дышать и бояться, что он пропадёт.

— Ты всё ещё выглядишь усталой. У тебя, наверное, множество вопросов, как и у нас. — Брат подталкивает меня к кровати, и я не сопротивляюсь, вновь забираясь под мягкое покрывало. — Но я хочу, чтобы ты отдохнула ещё. А завтра мы все вместе будем говорить столько, сколько влезет. И послезавтра, и после этого.

От его слов на глаза вновь наворачиваются слёзы. Даян присаживается рядом и успокаивающе гладит меня по волосам, а я чувствую себя маленькой, сломленной и счастливой одновременно.

— Теперь впереди у нас вся жизнь. — Брат тянет эту фразу с надеждой, он тоже никак не может перестать рассматривать моё лицо.

Я с трудом заставляю себя моргать, не в силах оторвать взгляд от его сверкающих глаз, поражаясь, что брат, которого я знала раньше, превратился в такого крепкого и уже взрослого мужчину. Хотя для меня он и в детстве был взрослым, был моей опорой. Тот, кто меня всегда понимал и не боялся моего Дара. Он в открытую вставал на пути моей тьмы, когда она бесконтрольно вырывалась наружу и волной затапливала коридоры дворца. Тьма же никогда его не трогала, чувствуя родственную кровь. Наоборот, она всегда обволакивала Даяна, придавая ему сил. Тёрлась у его ног, как верный пёс, готовая помогать и защищать.

С Айлой было иначе. Я безумно любила сестру, а она, благодаря Дару контроля, была терпеливее меня, умела держать себя в руках и всех очаровывать. Любила платья, украшения и праздники. Истинная принцесса и настоящая любимица народа, какой я бы никогда не могла стать. Помню, как после десяти лет я тоже начала интересоваться красивыми нарядами, но изысканность сестры всё равно была на другом уровне. Когда тьма встречала Айлу, она чёрной стеной замирала перед ней, словно перед второй хозяйкой. Моя сила, обычно безумная, перед ней же спокойная, едва колебалась и ждала.

Однако Айла становилась настоящей Калануа, пока до хрипа спорила с нами, не желая признавать поражения в детских играх. Невольно вспоминаю, что в детстве на лице Айлы я замечала такую же опасную улыбку, как у меня и брата, когда она, отходя в сторону, позволяла тьме двигаться дальше. И та неслась вперёд, как счастливое животное, выпущенное побегать на воле. Мы все — потомки Илоса, поэтому, несмотря на внешнее спокойствие и кротость, и в Айле есть знакомая нам дикая тьма.

Я обвожу комнату мимолётным взглядом в поисках сестры, хотя помню, что её здесь нет. В памяти

всплывает произошедшее в Цере, и я знаю, кого точно не смогу встретить завтра.

— Даян... мой друг Дарен. Он у них? — У меня холодеет внутри от предстоящего ответа, но я заставляю себя выдать ещё один вопрос: — Он жив?

Улыбка исчезает с лица Даяна. Впервые за всё время он хмурится и не спешит с ответом.

— Я уверен, что он жив, — задумавшись на мгновение, медленно выговаривает он. — Он им нужен, как ценный пленник и носитель нашего Дара. Но мне пришлось... пришлось оставить его, Ойро. Его сделали марионеткой, а убить наследника Каидана, чтобы освободить подконтрольного, было бы равноценно войне. Я бы развязал Клетусу руки. Каидан имел бы полное право привести армию к границам Илоса, и никто бы не вступился за нас.

Внимательно вслушиваясь в тихий голос Даяна, чувствую, что он скорее убеждает себя, оправдывается перед собой. Клетус тогда был прав. Это гордость нашего рода. Мы никого из своих не оставляем позади, а Даяну пришлось...

— Но ты говоришь, что он твой друг, поэтому мы вытащим его, Ойро. Я обещаю, — он произносит это твёрдо и сильнее сжимает пальцами мою ладонь.

— Я знаю. Я верю тебе, Даян. Больше, чем кому-либо.

Брат медленно выдыхает, а его плечи расслабляются. Меня продолжают пугать мысли о Дарене, оставшемся в Каидане. Знание, что Эол привязал его к себе и теперь может заставить подчиняться, злит меня. Но я обессилена, и эта злость — тлеющая и слабая, а все мои попытки вновь её разжечь — сейчас тщетны.

Я знаю, что Даян говорит искренне, и он сделает всё, чтобы помочь вернуть Дарену свободу. Я должна довериться брату. Сейчас, кроме этого, я больше ничего не могу.

— Ты уйдёшь? — Мои глаза слипаются, но я судорожно цепляюсь за его руку, когда Даян пытается встать с кровати.

Не хочу оставаться одна. Всё ещё боюсь, что это не более чем сон.

— Я могу подождать, пока ты уснёшь, сидя в кресле. Или, если хочешь, я уй...

— Нет! — перебиваю я. — Остайся. Ложись с другой стороны, поспи. И это ведь твоя комната, верно?

На мгновение в серых глазах проскальзывает удивление, он замирает, раздумывая над моим предложением. Нервно закусываю губу, возможно, я смущаю его. Мы не виделись больше шести лет, и я уже достаточно взрослая для подобного, однако прошу брата лечь со мной в одну кровать, как в детстве. Хочу извиниться, но внезапно Даян принимает предложение и ложится с другой стороны. Я внимательно наблюдаю, как брат укладывается на живот, взбивает подушку и обнимает её. Каждое движение кажется мне правильным, привычным и идеально ему подходящим. *Он всегда так делал.* Кровать настолько большая, что даже если он протянет руку, то не дотронется до меня. Я сама пододвигаюсь чуть ближе и протягиваю ему руку, а Даян без лишних возражений хватается за неё в ответ.

— Если Анис, Рушан, Самия или Айла найдут меня здесь утром, то наверняка устроят разнос, — бормочет Даян в подушку, но, в противовес своим словам, вновь поворачивает голову ко мне и демонстрирует довольную улыбку.

Брат ещё немного ёрзает, устраиваясь удобнее.

— Почему? Так... нельзя? — неуверенно спрашиваю я, не зная, что он имеет в виду.

— Нам всё можно, — тянет он. — Но ворчать они начнут, потому что я отправил их по комнатам, а сам пришёл сюда.

Я рада слышать, что с Назари всё хорошо. Сердцебиение ускоряется от мысли, что завтра я увижу их всех, встречу свою семью. И до дрожи в пальцах волнуясь, предвкушая завтрашний день.

Глава 2

Ойро

В следующий раз я просыпаюсь от солнечных лучей, которые из-за распахнутых занавесок бьют прямо в глаза. Жмурюсь и перекатываюсь на широкой кровати, пытаюсь скрыться от яркого света. Воздух в комнате стал в разы теплее, поэтому я дёргаю ногой, скидывая с себя часть одеяла. Птицы в клетке проснулись, наполняя помещение весёлым щебетом. Слепо шарю рукой по кровати, но Даяна уже нет рядом, когда именно он ушёл — я не знаю. Бегло окидываю взглядом балдахин, многоуровневый потолок и убранство комнаты. Расслабляюсь, осознавая, что при свете дня сразу бы узнала спальню брата. Здесь всё в золотых, серых и терракотовых оттенках. *Так, как он любит.*

Сажусь в кровати и понимаю, что в помещении я всё-таки не одна.

С одного из диванов сразу подскакивают Айла и Самия. Сестру хоть мимолётно, но я уже видела в Цере, однако Самию вижу впервые за все эти годы. Ещё ночью я не могла точно вспомнить лицо подруги, но сейчас, взглянув ей в глаза, сразу узнаю.

Её волосы, в отличие от всех Калануа, чуть светлее. Они отливают коричневым, а не чёрным. Сейчас они заплетены в свободную косу, а несколько коротких прядей обрамляют аккуратное лицо. Прямой, слегка вздёрнутый нос, пухлые губы и большие

светло-синие глаза, но при свете дня они кажутся ещё светлее, почти голубыми. Её кожа, как и у Айлы, бледнее, чем у меня или Даяна. На девушке красивое платье песочно-золотистого цвета. Непрозрачная ткань приглушённо сверкает, создавая эффект жидкого золота, струящегося по её телу. Одна рука от плеча до кисти полностью открыта, вторую же скрывает свободно ниспадающая ткань. Улыбаюсь, замечая на запястьях девушки множество браслетов. Самия всегда их любила, хотя в детстве почти не носила из-за постоянных тренировок Назари. На её пальцах несколько колец с драгоценными камнями. Девушка на полголовы выше стоящей рядом Айлы, а это значит, и меня тоже, хотя помню, что в детстве мы были схожего роста.

Айла и Самия напряжённо молчат и, кажется, даже не дышат, а разноцветные глаза сестры широко распахнуты. Мне хочется попросить её хотя бы начать моргать, но я, как и они, не могу выдавить и звука.

Моя младшая сестра оставила волосы распущенными и выбрала платье, похожее по фасону на наряд Самии, но из воздушного материала бледно-персикового цвета. На её руках несколько браслетов и колец, лоб украшает диадема с розовыми топазами и серебряными звёздами. *Совсем как в моём сне.* Хотя я начинаю сомневаться, что мои кошмары были снами.

Я едва успеваю спустить ноги на пол, как Самия приходит в себя первая. Девушка подскакивает ко мне и стискивает в объятиях. Она не сказала ни слова, но теперь плачет, и это настолько неожиданно, что я начинаю гладить её по спине, успокаивая. Бросаю испуганный взгляд на Айлу, но та улыбается, качая головой.

— Самия, у тебя глаза опухнут, — шипло бормочу я, в горле пересохло после длительного сна.

Услышав своё имя из моих уст, девушка залива-
ется слезами пуще прежнего, а я сдавленно смеюсь.
Я прекрасно помню, что Самия, как одна из Назари,
проходила жёсткие тренировки наравне с осталь-
ными. Ей было тяжело, но она никогда не плакала.
В первый раз я становлюсь свидетелем её слёз и в
глубине души надеюсь, что в последний.

Айла всё-таки помогает мне утешить подругу.
Когда нам это удаётся, сестра сама обнимает меня,
сжимая руки так крепко, что у меня начинают болеть
рёбра и плечи, но я не возражаю. Потом Айла, пыта-
ясь справиться с накатывающими слезами, отводит
взгляд, а я же, наоборот, стараюсь её рассмотреть.
Она скрывает смущение за серьёзным выражением
лица, придирчиво оглядывает состояние сухой кожи
на моих руках после работы на кухне, трогает мои
волосы, у которых нет того здорового блеска, что
есть у волос сестры.

— Мы всё поправим, — уверенно начинает она,
будто это действительно так важно, — ты, наконец,
дома... и всё будет хорошо.

Айла, как и Даян, гладит меня по волосам, словно
маленькую, но я позволяю, чувствуя, что это нужно
нам всем. Каждое её простое прикосновение выхо-
дит напряжённым, будто она пытается справиться
со сдерживаемой злостью или неловкостью. Я сжи-
маю её пальцы в своих ладонях, ласково улыбаюсь, и
только после этого она немного расслабляется. Нео-
жиданно сестра тянет меня, заставляя подняться с
кровати.

— Уже перевалило за полдень, мы обещали всем,
что поможем тебе одеться и встретимся на днев-
ном чаепитии, — она подталкивает меня в сторону
ванной комнаты. — Мы всё приготовим, ты просто
умойся. Или, если хочешь, мы поможем тебе. Могу
я, например. Или позовём кого-нибудь... служанок...

и попросим их? Я не даваю. Как тебе... захочется или удобнее.

Я недоумённо моргаю, когда секунду назад вполне собранная и сосредоточенная девушка вдруг начинает метаться, мысли её путаются, а слова будто накапывают друг на друга, стремясь как можно быстрее вырваться наружу наперекор её собственной воле.

— Но если нет, то Самия может помочь. Хотя, возможно, со мной тебе будет комфортнее. Или даже одной. Я всё...

— Айла, дыши.

Вспоминаю, что у моей сестры такое и раньше бывало. Если она сильно нервничала, то начинала бессмысленно тараторить, но такое она позволяла себе лишь с близкими. На официальных встречах, даже будучи ребёнком, Айла умела держать себя в руках лучше, чем кто-либо из нас.

Сестра подчиняется, замолкает, делает глубокий вдох и медленный выдох, а потом вновь повторяет упражнение. Я ободряюще ей киваю, вспоминая, что сама научила её так успокаиваться. В душе разливается тепло от того, что она всё ещё применяет тот же способ.

Ухожу умыться в одиночестве, чтобы дать нам всем время принять реальность и успокоиться. Они наполнили для меня ванну. Всё помещение выложено кафелем, а за счёт окна здесь поразительно светло. Я с благодарностью опускаюсь в уже успевшую остыть воду, которая тут же помогает мне взбодриться, и уже через пятнадцать минут возвращаюсь чистой, выжимая волосы мягким полотенцем. Благодаря добавленному в воду маслу моя кожа бархатная и пахнет розами. Но я стараюсь не вести себя глупо и не нюхать свою руку при сестре и Самии.

Айла приносит мне свои платья. Раздумываю, не попросить ли привычные для меня штаны и рубашку, но, прикоснувшись к изящным тканям, не могу по-

давить желание надеть что-то настолько прекрасное, как на сестре. Однако при воспоминании о Дарене моя улыбка вянет, шёлковая юбка выскальзывает из пальцев и падает обратно к остальным нарядам.

— Если тебе не нравится, то я принесу что-нибудь другое, — торопливо предлагает сестра, замечая мой застывший взгляд. Она всегда хорошо меня чувствовала. — Просто ты наследница, выглядеть соответственно — часть нашего долга, и я решила...

— Дело в том, что я не могу выбрать, — обрываю я и прячу тревогу за смущённой улыбкой. — Они все слишком красивые. Ты мне поможешь?

Облегчённый вздох сестры получается шумным. Она тут же принимается осматривать принесённые платья и выбирает наряд серебристо-белого цвета, говоря, что он подчеркнёт мою оливковую кожу. Топ, украшенный вышивкой и сверкающим бисером, оставляет руки полностью открытыми. Мягкая шифоновая юбка начинает струиться прямо под грудью и заканчивается почти у самого пола. Самии удаётся убедить меня надеть разве что только один сверкающий браслет на руку. От всех остальных украшений я твёрдо намерена отказаться, но тут Айла вытаскивает расписную серебряную шкатулку. Все мои протесты остаются невысказанными, потому что я узнаю её. Мама обещала отдать её мне вместе с содержимым, как только я вырасту.

— Я прекрасно помню твои слабости, — с гордостью заявляет сестра, поднимая крышку.

Мамина коллекция браслетов и украшений на лодыжки. Серебряные, золотые и даже бронзовые. Некоторые украшены драгоценными камнями и тонкой сеткой покрывают почти всю ступню, а другие, более простые и лёгкие, предназначены для повседневной носки. В детстве Айла больше любила гребни и заколки для волос, я же испытывала трепет от содержимого этой шкатулки, поэтому губы сестры

растягиваются в довольной улыбке, когда она отдаёт мне мамины драгоценности.

Я принимаю их без возражений, надеваю на лодыжки простые серебряные браслеты и слышу приятный звон, когда маленькие бубенцы приходят в движение от каждого моего шага. Самия даёт мне лёгкие сандалии.

С интересом наблюдаю, как Айла и Самия поправляют свой макияж, чтобы скрыть все следы от слёз. На Островах я ничем не пользовалась, но теперь вспоминаю, что в Илосе девушки действительно подводят глаза чёрной сурьмой, делая взгляд более выразительным. Айла, заметив моё недоумение от большого количества баночек, которые они принесли, подзывает меня к себе. Вкратце напоминает, для чего нужны пудра, тени для глаз и румяна, какие есть оттенки краски для губ. Самия почти сгибается от смеха, наблюдая, как я с трудом убеждаю сестру не мазать мне всё это на лицо. После длительных препирательств соглашаюсь только на сурьму, чтобы подвести глаза, и на едва заметную краску для губ.

Пока Самия расчёсывает мои уже высохшие волосы и заплетает их в свободную косу, как у неё, я узнаю от Айлы последние сплетни. Мы специально игнорируем серьёзные темы и вопросы о прошлом, чтобы не портить это приятное утро. Будь всё по-другому, у нас было бы множество таких непринуждённых моментов вместе. Когда мы бы наряжались, выбирали украшения или сплетничали. Но все эти моменты были у нас отняты. И подобные мысли оставляют привкус горечи во рту, но я молчу, не стремясь их озвучивать.

Я внимательно гляжываюсь в лицо сестры, думая, сколько же её слёз я пропустила, сколько из них было из-за меня. Ругалась ли она с Даяном? Тяжело ли ей было видеть меня в зеркале каждый день? Влюблялась ли она? Может, кто-то уже разбил ей сердце,

